

Б Е Р А
Калачкава

Сладкий
хлеб
мачехи

Вера Александровна Колочкова
Сладкий хлеб мачехи
Серия «Секреты женского счастья»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637945

Сладкий хлеб мачехи : роман / Вера Колочкова: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-113745-8

Аннотация

Бася вышла замуж по любви и воспитывала пасынка как родного. Всю себя она отдавала семье, но муж все меньше ценил ее, а потом оказалось, что у него другая женщина. Бася пытается начать жить сначала, и теперь у нее новый супруг и падчерица. Но к чему приведет ее жертвенность на этот раз? И смогут ли наконец оценить любовь мачехи неродные дети?

Содержание

Часть I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Вера Колочкова

Сладкий хлеб мачехи

Часть I

Какие они всегда свежие – утренние телевизионные дикторши. И эта тоже – щебечет, как птичка, улыбается с экрана. И макияж, и причесочка... Небось ночь не спала, бедная, чтобы в студию вовремя приехать да всю эту красоту навести. Нет, а в самом деле, интересно, как у них все происходит? Днем они спят, что ли? А на работу по графику выходят, как ночные сторожа, сутки через трое?

Хмыкнув, Бася оторвала взгляд от экрана телевизора и тут же озадачилась другой проблемой – омлет с ветчиной делать или с сыром? Вообще-то Вадим с сыром любит. А Глебка – с ветчиной. Вот и попробуй угоди с завтраком мужу и сыну. Наверное, лучше все-таки с ветчиной. А то получится, что она к Вадиму подлизывается. Он домой заявился в четыре утра, а она – подлизывается. Левую щеку подставляет. На, милый, бей. Ты всю ночь гулял где-то, а я, верная женушка, будто не замечаю ничего. С утра, видишь ли, готовлю тебе вкусненькое. А что делать? Такая вот я, хоть униженная и оскорбленная. А мое унижение, может, и горше даже, чем у героинь твоего обожаемого Федора Михайловича, которого

ты, милый, так любишь на досуге читать. Даже наверняка – горше.

Рука между тем словно заведенная делала свое дело – взбивала в стеклянной плошке молоко с яйцами. Будто моторчик в нее вставлен был, никак не остановишь. Можно, конечно, и миксер взять, но руки сами попросили работы, чтобы немного успокоиться. Хороший способ, между прочим. Проверенный. Если мучаешься от обиды, надо тут же хвататься за любую домашнюю работу. За одно дело возьмешься, за другое, глядишь, и проходит...

– ...И это событие в нашей жизни замечательно еще и тем, что случилось на пороге миллениума, знаменуя собой...

Голосок дикторши неожиданно зазвенел на высокой восторженной ноте, и Бася обернулась на него удивленно. Ишь, разговорилась! Тихо, красавица, тихо, люди спят еще. И вообще – дался им всем этот миллениум! Слово-то какое космическое, холодом так и обдает. Конец октября на дворе, до нового двухтысячного года еще жить да жить, а они, смотрите, уже захлебнулись восторгами. А в конце декабря от вас чего ждать? Прямо из телевизора к ней сюда, на кухню, выпрыгивать станете?

Омлет она сделала-таки с сыром, как Вадим любит. А что – надо быть последовательной. Если уж завелась в их семейных отношениях достоевщина, то пусть любимый муж от ее смирения настоящий стыд почувствует. Раньше, помнится, точно пробивал, аж до самых печенок. А сейчас... Хотя –

ладно, лучше не думать о том, что с Вадимом происходит сейчас. Надо идти, будить его. Уже половина девятого.

Она бесшумной легкой тенью порхнула через гостиную, потянула на себя тяжелую дверь в спальню, тихо приблизилась к широкому супружескому ложу. Вадим спал, разметавшись по нему, дышал тяжело, со свистом, как простуженный ребенок. Бася вздохнула, постояла над ним в задумчивости, в который раз пытаясь найти ответ на вопрос, давно ставший для нее риторическим – ну что, что женщины в нем находят? Что есть в ее муже такое, чего в других нет? Вроде излишним сексуальным рвением природа его не одарила – ей ли не знать, жена все-таки. Тем более к отряду подобных героев-победителей он и сам себя никогда не относил. А при случае очень любил ввернуть фразу про конфронтацию интеллекта и гиперсексуальности – вроде того, что вещи эти природа так и не научилась совмещать в отдельно взятом человеческом организме. Тогда – что они в нем находят? Этот самый пресловутый интеллект, что ли? Да мало ли на свете мужчин, у которых этого интеллекта – завались, хоть новый «Капитал» пиши, однако никакого женского сверхвнимания к их персоне и близко нет.

Хотя, если честно... Чего уж лукавить – знает, знает она ответ на этот вопрос. Конечно же, знает. Есть в ее Вадиме, помимо импозантности, нечто такое, чего у других днем с огнем не сыщешь. Это нечто – как теплый дурманивший ветер, как завораживающая мелодия. Одним словом, харизма, ко-

торая с годами только крепчает, как хороший коньяк. Длинно получилось, но точно. А если подмешать к этому немного веселого цинизма да легкой насмешливости, да педантичное стремление к свежим рубашкам и вычищенной до блеска обуви, да запах дорогой туалетной воды – вот вам и вся разгадка этой харизмы. По сути – ничего особенного. А для женщин – как яркий свет для мотыльков. Летишь на него, ни о чем не думаешь. И она так же прилетела когда-то...

Кстати, надо рассказать ему, что он свистит во сне. Не храпит, а именно свистит. Может, от этого знания импозантности-то поубавится немного...

Видимо, ее короткая, но злая мысль каким-то образом долетела до спящего сознания Вадима, и в следующую секунду сонный свист неожиданно прекратился, сменившись коротким резким всхрапом. Таким громким, что она вздрогнула. Вздрогнул и Вадим, просыпаясь. Поднял слегка оплывшее лицо от подушки, потер ладонью глаза. Потом глянул на нее коротко, с плохо скрываемой досадой, тяжело вздохнул, нехотя поднялся с постели. Что ж, понятно. Значит, капризничать будем. Достоевщина, значит, с утра отменяется.

– Где мой халат, Бася? Почему ты все время уносишь из спальни мой халат? Я что, должен все утро заниматься его поисками, по-твоему?

– Да вон твой халат, успокойся...

Она протянула руку в сторону пуфика, где лежал Вадимов халат. Чистый, наглаженный, аккуратно свернутый.

– Хм... Откуда я должен знать, что это халат? И что за маргинальное выражение ты сейчас употребила – успокойся? Это что, сленг такой?

– Почему – сленг? Все так говорят...

– Нет. К счастью, не все так говорят. А нормально развернуть его нельзя было?

– Зачем?

– О господи...

Вяло махнув в ее сторону рукой, Вадим потянулся к халату, встряхнул его почти с остервенением, так, что он развернулся воротом вниз. Бася сунулась было ему помочь, но наткнулась на его сердито выставленный локоть – отстань, мол. Да еще и рукав халата, когда Вадим развернул его, чтобы набросить на плечи, обидно прилетел ей в лицо. Будто оплеуху дал. Нет, для утренних капризов – это уже перебор...

– Вадим! Я не понимаю – на что ты злишься? Ты еще проснуться не успел, а уже злишься!

– С чего ты взяла, что я злюсь? Я спокоен, как никогда. Ты же мне посоветовала успокоиться, вот я и спокоен.

– Послушай, Вадим... Я не понимаю, что происходит! Я... я просто теряюсь, когда ты такой... По-моему, я ни в чем перед тобой не виновата. Ты же сам... Ты же только под утро пришел... А ведешь себя так, будто это я...

Завязав пояс, он развернулся к ней медленно, глянул с досадой. Очень обидно глянул. Потому что не было в его взгляде ни капли вины, а только эта досада и холодное изумление.

И стало совершенно ясно, что со слезами не совладать. Они и без того уже наготове были. Вот и подбородок задрожал, и в носу защекотало...

– О боже... Только вот слез с утра не надо, прошу тебя! – страдальчески выставил Вадим впереди себя ладонь, отвел взгляд от ее лица. – Ты же знаешь, я не выношу! У меня очень трудный день впереди, прошу тебя, пожалуйста! Давай семейные сцены на потом отложим, если уж они тебе так необходимы! Я вечером приду, и ты поплачешь и покричишь сколько тебе угодно.

– Не надо так, Вадим... И вовсе я не собираюсь сцены устраивать...

– И правильно. И не надо. Потому что плакать ты совершенно не умеешь. А если не умеешь, то и не берись. Женские слезы – это в своем роде искусство, знаешь ли. Плакать тоже надо уметь красиво. А ты... ты посмотри на себя – расквасилась, как последняя нюня.

– Как умею, так и плачу! Я ж не актриса, я обыкновенная женщина...

– Да. Ты действительно – не актриса. Ты всего лишь домохозяйка. И не надо стараться копировать свою знаменитую тещку, тебе до той полячки ой как далеко!

– Да никого я не копирую!

– Не будь смешной, милая... Копируешь, еще как копируешь.

– Но ты же сам! Ты же сам про это сходство только и гово-

ришь! Ты же мне твердил всегда, что я на нее очень похожа, что тебя это ужасно заводит!

— Ну что ж, было дело, не отрицаю... — хмыкнул Вадим, скользнув по ней оценивающим и уже совсем не досадливым взглядом. — Внешнее сходство с той актрисой у тебя определенно имеется, этого, как говорится, не отнимешь... Но, повторяю, ты совершенно зря стремишься использовать ее манеры, тебе до нее далеко! У тебя... экстерьер не тот. Сходство есть, а изюминки нет... Интересно, отчего это твоей маме вздумалось в свое время назвать тебя Барбарой? Для тех времен — имя вообще экзотическое. Надо же думать про последствия, когда даешь имя ребенку...

Он вздохнул и замолчал, будто искренне огорчился отсутствием в жене той самой изюминки, отделяющей ее от киношного образа. Бася тоже молчала, стояла, зажав нос дрожащими пальцами, пытаясь удержать рвущиеся наружу судорожные всхлипы. Нет, не удержать... Знала она за собой такой грешок — если уж скопилось внутри унижение, обязательно слезами наружу вырвется. Такое вот свойство организма. Плохое, наврное. У других унижение вызывает правильные эмоции от взрыва ущемленного достоинства к ярости и гневу, а у некоторых и до рукоприкладства, бывает, доходит, а у нее — только слезы. И вот в чем парадокс! Ладно бы, организм этими слезами от чувства унижения освободился — так нет ведь. Все там, внутри, остается. А это плохой признак. Потому что накопление обиды ни к чему хорошему

в семейных отношениях в принципе привести не может.

Снова громко всхлипнув, она вдохнула в себя воздух с жалким писком. Вадим, будто очнувшись, посмотрел на нее с удивленной досадой, даже головой мотнул слегка, изображая, очевидно, что-то вроде запоздалого вежливого раскаяния. Потом ласково дотронулся до ее плеча:

– Ладно, ладно, прости. Ты права – я действительно виноват. Надо было позвонить с вечера, предупредить, что вернусь поздно.

– Четыре утра – это поздно? По-моему – это рано. Ты вернулся рано утром, Вадим.

– Ладно, не придирайся к словам. Скажи лучше – который час?

– Половина... де...девятого... – снова сильно всхлипнув, тихо прошептала она.

– Сколько?!

– Половина девятого.

– Как – половина девятого? Не может быть! Бася, черт тебя подери, почему ты меня не разбудила?

– Так я подумала... Если в семь часов разбужу, ты не выспишься... Сам же говоришь – день трудный...

– А я тебя что, просил об этом думать? Я же сто раз просил тебя – будить меня по утрам в одно и то же время! В семь часов, и не позже!

– Извини. Я хотела как лучше.

– А не надо хотеть как лучше! Не надо делать того, о чем

тебя не просят! У меня сегодня, между прочим, на девять часов совещание с проектировщиками назначено... А где мой мобильник? Бася, черт тебя подери, куда ты унесла мой мобильник?!

– Да не видела я твоего мобильного... Говорю же, ты пришел под утро, и я...

– Бася, про утро я уже слышал. Мне достаточно одного раза. Надеюсь, ты не собираешься мне именно сейчас еще и ревнивую истерику закатить? Если собираешься, то давай быстрее, у меня времени в обрез...

Все это он произнес раздраженной скороговоркой, ощупывая карманы висящего на стуле пиджака. Потом вскинул на нее злые глаза:

– Ну давай, чего ты замолчала? Ревнивая истерика будет?

– Нет. Не будет. Ты же знаешь, зачем спрашиваешь? По моему, я ни разу...

– Да знаю, знаю... – перебил он ее, извлекая из внутреннего кармана мобильник и торопливо нажимая на его кнопки, – все знаю, не продолжай. За десять лет супружеской жизни – ни одной истерики. Можешь себе медаль на грудь повесить. Можешь еще и коня на скаку остановить. Хотя это про русских женщин вроде сказано, а ты у нас под полячку работаешь... Но ты тоже все можешь, знаю. За то и ценю. Только вот разбудить вовремя не можешь...

Прижав к уху мобильник, он весь обратился в слух и даже выставил вперед ладонь, будто упреждая ее ответную ре-

плику. Хотя она и не собиралась подавать никакой реплики. Потому что – чего тут ответишь? Это ж понятно, что любая ответная реплика вызовет еще большее раздражение, только и всего.

– Вадим... Тебе чай или кофе сделать? Лучше кофе, наверное, – опустив глаза долу, тихо произнесла она. – А завтрак уже на столе, я все приготовила...

Вот тебе – ответная реплика. Получи. Потому что истерики – уж точно не дождешься. Потому что ты меня – по правой, а я тебе – левую. Получи. Что, не нравится?

Оторвавшись на секунду от трубки, Вадим и впрямь глянул на нее весьма виновато и сник, и даже моргнул растерянно, но в следующую уже секунду отвлекся, встрепенувшись долгожданным ответом вызываемого абонента.

– Маша! Ну где ты ходишь, почему трубку не берешь? Да дома я, дома, ничего со мной не случилось... Нет, совещание отменять не надо, я сейчас приеду! Да понял я, что ты звонила! Давай, придумай что-нибудь, развлеки их... Откуда я знаю – как? Ну, приятным разговором, душевными песнями... Русскими народными, какими! Соберись Маша, соберись! Вспомни, что ты секретарь с высшим образованием! Да, еще Воронину напости, чтобы он всю документацию в пристойном виде подал, не как в прошлый раз... Ну скажи, что я уже еду, что в пробке стою...

Продолжая давать наставления секретарше, Вадим быстро прошел в ванную, и она торопливо метнулась на кух-

ню, чтобы сварить обещанный кофе. Надо быстро, быстро... Турку – на плиту, омлет – в тарелку, сверху зеленью присыпать, из холодильника минералку достать... А, еще салфетки! И хлеб, хлеб в тостер запихнуть... Черт, кофе сейчас убежит!

Нет, не успела она кофе спасти. Да и незачем уже было. Хлопнула громко входная дверь – ушел... Кофейная лужица нагло завоевала все пространство плиты, горьковатый запах наполнил кухню, сильно запершило в горле – то ли от запаха, то ли от подступивших слез. Что ж, наверное, теперь и поплакать можно вволю. Хотя – нет! Из Глебкиной комнаты музыка слышна, проснулся, значит. Сейчас выйдет сюда, к ней, на кухню. Нет, не надо, чтобы он видел ее слезы...

Метнувшись в ванную, она закрыла дверь, постояла немного, запрокинув лицо вверх. И в самом деле – нервы стали ни к черту, никак эти слезы быстро не остановишь. Текут и текут. А главное, эта противная дрожь не уходит. Ничего, сейчас она умоется, постоит еще немного, и все пройдет.

Открутив кран с холодной водой, она плеснула в лицо пригоршню, потом еще, потрясла головой, еще плеснула. Медленно распрямившись, посмотрела на себя в зеркало. Результат, надо сказать, получился плачевный – лицо мокрое, красное, в глазах свежая обида. Правда, есть-таки схожесть с польской актрисой. А изюминки – нет! Прав Вадим. Да и от похожести этой – какой толк? Ну да, лицо тонкое, нервное, и волосы светлые, и даже загибаются конца-

ми вверх, как у нее там, в кино. Сами по себе погибают, от природы. А изюминки-то – нет! Потому и есть она всего лишь Барбара Брылина, а не Брыльска. Вернее, раньше была Барбарой Брылиной, сейчас по мужу Потапова...

– Мам... Ты в ванной? Ты чего там, плачешь, что ли? – вздрогнула она от басовитого, петухом ломающегося голоса Глеба. – Выходи, мам...

– Да, Глебушка, иду! – воскликнула она бодренько и даже заставила себя улыбнуться в зеркало. – Сейчас завтракать будем, Глебушка! Иди на кухню, я сейчас...

Промокнув лицо полотенцем, она торопливо припудрилась, встряхнулась, распрямила плечи. Нет, не надо Глебке знать про ее слезы. У него сейчас возраст такой – особенно на всяческие переживания падкий. Как говорит Вадим – пубертатный. Нельзя его травмировать. Хотя – черт его знает, может, и наоборот... Кто в этих педагогических дебрях разберется? Вот если бы она, к примеру, родной матерью ему была, то, может, и знала бы, а так... По возрасту она больше ему в старшие сестренки годится, чем в матери. На улице, когда рядом идут, прохожие явно на них смотрят как на молодую пару. Глебка – он же акселерат, в свои пятнадцать этот увалень на все двадцать выглядит, а она в свои двадцать восемь как была пигалицей, так ею и осталась. На девочку-подростка похожа.

Телевизор на кухне работал уже громко. Видимо, Глебка щедро прибавил звука. На экране вместо улыбчивой утрен-

ней дикторши хозяйничал шустрый молодой мужик в веселеньком фартучке и поварском колпаке. Он помешивал что-то в кастрюльке и, кося одним глазом на камеру, тараторил без умолку:

– ...А поскольку, господа, мы стоим на пороге миллениума, это блюдо нам вполне подойдет и для новогоднего стола...

– Нет, мам, ты только послушай! На каждом канале они только и делают, что трещат про этот миллениум! Если не так, то сяк! Договорились, что ли? Волну гонят, ага?

– Это ты точно сказал, Глебка. Именно волну и гонят. Да выключи ты его, давай позавтракаем спокойно!

Глеб послушно потянулся за пультом, и в следующую секунду среди возникшей на кухне тишины раздался ее громкий запоздалый всхлип. Черт его знает, как так получилось. Сам по себе вырвался, на вдохе. А сама виновата! Если б мужик в телевизоре продолжал тараторить, Глебка и не услышал бы...

– Так. Опять, значит, плакала. С отцом ссорились, да? Чего он на тебя наезжал?

– Нет, Глебушка. Он не то что бы... он... он...

– Да ладно, я же слышал! Еще и к имени твоему привязывался! А правда, почему тебя так интересно называли – Барбарой? Я никогда не спрашивал...

– Да ничего интересного, Глебка. Просто моя мама так захотела. Ты же помнишь мою маму?

– Ну да. Ты меня маленького к ней в гости возила. Я помню. Я ее звал бабушка Фрося. Она мне каждый день пирожки пекла и козьим молоком поила. Мы с ней ходили, я помню, на эту козу смотреть. Она была настоящая, беленькая такая. Машкой звали. Мам, а Фрося – это значит Фекла, да?

– Нет, Глебка. Ее полное имя – Ефросинья. Дед наш, понимаешь ли, был со странностями и дочерям своим, то есть маме моей и тете, дал старинные русские имена – Евдокия и Ефросинья. Ты представь только, каково им было расти с такими именами – Дунька и Фроська? Знаешь, как их в школе за это жестоко дразнили?

– Да уж, прикололся твой дед, ничего не скажешь...

– Ага. Прикололся. Вот моя мама и решила, что дочку потом обязательно как-нибудь красиво назовет. Ну и назвала... Она ж меня без мужа родила, дед ее потом за это из дома выгнал. Жуть, какой строгий был! Тетя Дуня сама от него уехала, а мама с маленькой дочкой, со мной, то есть, из дому ушла. Правда, потом, когда он совсем состарился, с мамой помирился. И меня, свою внучку, признал. Но все равно – упорно называл меня Варькой. Никакая ты, говорил, не Барбара, а как есть Варвара. А фамилия у меня была Брылина. Вот и росла я Барбарой Брылиной, сама того не ведая, какая у меня тетка-актриса есть. Это уж потом знаменитый новогодний фильм на экраны вышел – ну, который перед каждым Новым годом обязательно по всем каналам крутят, про иронию судьбы, про учительницу... Видел?

– Да видел, видел... По-моему, фигня полная.

– Ну почему же – фигня? Совсем даже не фигня! Ты еще омлет будешь?

– Давай...

– А насчет фильма ты не прав, Глебка! – горячо продолжила Бася, повернувшись к плите и накладывая в тарелку пасынка еще одну порцию омлета. – Ты знаешь, какую он революцию тогда произвел? Все его в Новый год посмотрели, потом столько разговоров было... Там польская актриса снималась, Барбара Брыльска. В общем, она была такая, такая...

– Ой, да обыкновенная! – произнес Глеб, запихивая в рот порядочный кусок омлета. – Тетка как тетка! Я же видел! Вроде молодая, а старше нынешней Мадонны выглядит!

– Ну конечно, если образ Мадонны брать в качестве эквивалента красоты...

– Мам! Давай не будем про Мадонну, ладно? Ее вообще ни с кем сравнивать нельзя. И уж тем более с твоей этой...

– Ладно. Про святое – не будем. Согласна.

– А ты не смейся!

– Я не смеюсь, Глебушка. Тебе показалось. Честное слово, не смеюсь. И не улыбаюсь даже. Я твои вкусы всегда уважала и впредь буду уважать.

– Да знаю, мам... Ну, а дальше-то что было? Твоя мама не пожалела, что назвала тебя Барбарой, как ту полячку?

– Нет. А чего ей жалеть? Это же и впрямь удивительно,

что все так совпало! Она – Брыльска, а я – Брылина. Ты знаешь, мне кажется, что мое внешнее сходство с этой актрисой она между делом взяла да и сама себе додумала... А когда человек во что-то искренне верит, то получается так, как он хочет. В общем мне уже ничего не оставалось, как расти и взрослеть в этом образе... – тихо рассмеявшись, развела Бася руками. – И ладно бы, если б мама тихо довольствовалась этим образом – куда ни шло. Так нет же, она и всех окружающих убедила в том, что я – маленькая копия той польской актрисы. И все поверили, представляешь?

– Ага. Массовый психоз, да?

– Ну, не совсем уж психоз... Людям, знаешь, всегда хочется чего-то необыкновенного. Вот была бы я, к примеру, Варварой, а не Барбарой, на это обстоятельство никто бы и внимания не обратил, а так...

– Но ведь ты и правда на нее похожа, Бась!

– А что делать? Пришлось! – со смехом развела она руками. – Не могла же я маму подвести! Чем больше росла, тем больше схожести образовывалось.

– А ее папаша, ну твой дед то есть, как к этому отнесся? Что ты на актрису похожа?

– Да ему уж и дела не было до этого, Глебушка. Мне двенадцать лет было, когда он помирать собрался. Болел сильно, долго маму мучил... Я помню, как мы с ней ходили за ним ухаживать. Он уже старенький был, слепой и глухой, а все равно – сердитый. Кричал на нее, как на девчонку. А она

ведь меня поздно родила, в сорок лет почти... Вот и считай, сколько ей было. Пятьдесят два года – почти пенсионерка. А он ей – Фроська туда, Фроська сюда... Еще и костылем замахивался. Потом он умер, а мы так с мамой вдвоем и жили. Городок у нас малюсенький был, все друг друга знали. Да что я говорю – был, он и сейчас есть...

– Ага, я помню. Там такие деревья росли большие – выше домов.

– Да. Это липы...

– А еще помню, что там были деревянные тротуары.

– Ну да... Мама пишет, что там и сейчас ничего не изменилось. А соседи до сих пор ее спрашивают – как там твоя Баська-полячка в большом городе живет? Представляешь? Меня с детства так и звали – вон, мол, смотрите, Баська-полячка пошла, Фроськина дочь... Смешно звучит, правда?

– Ага, смешно... Мам, а почему бабушка Фрося к нам в гости никогда не ездит? Не скучает, что ли? Я ж ей вроде как внук... Или как бы внук, если я тебя мамой зову... Пусть она приедет, ты ее позови!

– Ой, что ты, ее и не выманишь сюда! Она Вадима страшно стесняется. Да и не только Вадима, она вообще всех стесняется. Такая она у меня – пугливая мечтательница... Нет, я ее приглашала, конечно же! И тетя Дуня ее к себе звала. Только она и к ней тоже не поедет. Боится. Она ее всегда боялась, с детства. Странно, да? Вроде тетя Дуня – ее единственная старшая сестра... Хотя, если честно, Глебка, – я

тоже своей тетки побаиваюсь. Ты же знаешь, какая она у нас боевая!

– Да уж. Знаю. Классная бабка! Так матюками концептуально по телефону кроет, что уши в трубочку сворачиваются. Таких даже по телевизору не услышишь! Ты знаешь, что она недавно отцу заявила?

– Что? – испуганно посмотрела на пасынка Бася.

– А что будто мы с отцом, такие-рассякие, тебя вот уже десять лет как хотим, так и пользуем... Представляешь, так отцу прямым текстом и заявила! И слово такое противное подобрала – пользуем! Я сам слышал.

– Глебка! Ну как тебе не стыдно? Чего ты повторяешь всякую ерунду!

– Так она сама так говорит! Я при чем? – возмущенно выпучил глазницы Глеб. – Если б она не говорила, я бы и не повторял!

– И что из того, что она так говорит! У нее просто характер такой... не из легких. Неуживчивый, своеобразный... Понимать же надо! А что в выражениях не стесняется, так этому тоже свое объяснение есть. Это ее любовь так ко мне проявляется – в нападении, понимаешь? А что делать – жизнь у них с мамой тяжелая была. Если бы тетя Дуня огрызаться не научилась, то, наверное, тоже овцой забитой около отца-деспота всю жизнь прожила, как мама. Ты знаешь, на самом деле тетя Дуня маму очень, очень жалела, хоть и ругала в письмах за беззубость на чем свет стоит. А когда я шко-

ду окончила, она сразу меня к себе позвала, в институт поступать. Чего тебе, говорит, в глухой провинции пропадать? Ну, я и поехала... Поступить не поступила, зато вас с отцом встретила и полюбила...

Последнее слово вдруг ни с того ни сего застряло в горле, и на глаза навернулись слезы. Вот не зря говорят, что все слезы надо выплакивать до конца, иначе они потом выльются в самый неподходящий момент.

Тихо шмыгнув носом, она встала со стула, торопливо развернулась к плите, со звоном подняла крышку со сковородки с омлетом.

– Глебушка, ты добавку будешь? Давай еще, а?

– Нет. Я наелся. Ты только не реви, пожалуйста. Не надо.

– А я и не реву... С чего ты взял?

– Ой, да не держи меня за малолетку, мам! Что я, ситуацию не понимаю, по-твоему?

– В... каком смысле – не понимаешь? Что ты имеешь в виду, Глебушка?

– Что, что... Это ж ослу понятно что. Мам... Да расслабься ты, честное слово! Забей на него! Подумаешь, пусть он налево сходит! Да у всех наших пацанов отцы такие! А у Борьки так вообще... Отец все время туда-сюда мечется, уходит-приходит, уходит-приходит... А матери Борькиной это по фигу! То есть фиолетово – полностью! Она только смеется, говорит: левак укрепляет брак...

– Не знаю, не знаю, Глебушка... – так и не смея развер-

нуться от плиты, тихо проговорила Бася. – Может, и впрямь маме твоего Бориса так удобнее. А я – не могу. Мне стыдно. Тем более мне именно с тобой говорить на эту тему стыдно. Давай не будем, а?

– Мам, да ты сядь... Почему стыдно-то? Я ж тебе не чужой! Сядь, мам.

– Да ну...

Не оборачиваясь от плиты, она вяло махнула рукой, подняла лицо вверх, изо всех сил пытаясь проглотить застрявший в горле комок.

– Сядь, мам. Ну чего ты как маленькая?

Басовитые нотки в голосе Глеба звучали так, будто он и не с мачехой сейчас разговаривал, а с подружкой-ровесницей. Хмыкнув, она тихо села на свой стул, взглянула на него неуверенно, даже попыталась насмешливо улыбнуться. Хотя – лучше бы она этого не делала. Потому что вместо улыбки появилось лишь нервное дрожание губ, и пришлось их поджать жалкой скобочкой.

– Ну, мам... Ну ты же сама знаешь, как к нашему отцу всякие тетки любят липнуть! Помнишь, как два года назад какая-то тупая лохушка его преследовала, тебе постоянно звонила? И ничего! Вы с отцом еще смеялись над ней... Помнишь?

Снова хмыкнув, Бася недоверчиво уставилась на пасынка. Надо же – только и остается, что хмыкать. Она и не подозревала, что Глебка в курсе всех этих дел... Действительно,

была у них с Вадимом два года назад такая история. Влюбилась в него одна особь, из нынешних, из юных и наглых. Из тех, которые к объекту своей влюбленности напролом пробиваются, как через лесную чащу. Ох, и хлебнули они с Вадимом тогда от этой девицы... Все было – и преследования, и звонки, и до прямых угроз дело доходило. Смех смехом, конечно, но она, помнится, боялась из дома выйти – вдруг эта девица в припадке страсти ненароком возьмет да кислотой в лицо плеснет...

– Да, Глебка. Тогда это действительно смешно было. Тогда мы вместе смеялись, а теперь... теперь все по-другому...

– Мам, да нет здесь никакой драмы! Не придумывай. Наверное, у вас просто это... Ну, семейный кризис, что ли... Десять лет вместе прожить – это солидный срок! А может, он просто устал? Знаешь, как бывает? Тупо устал, и все.

– От меня, что ли, устал?

– Да нет, не от тебя! Просто – устал. Ты же знаешь, какой у него бизнес тяжелый! Нервно-строительный, как он говорит. Да и в стране кризис, тут поневоле крышу снесет! А так мы очень даже хорошо живем, мам...

– Слушай, Глебка... Раз уж у нас такой разговор пошел... Только давай по-чесноку, ладно? Ты уже большой, с тобой можно обо всем по-чесноку... Понимаешь, твой отец... Помоему, он меня совсем, совсем разлюбил...

Бася коротко вздохнула и замолчала, испуганно уставившись на пасынка. Лицо его вмиг стало совсем уж потерянным.

ным, карие глаза округлились по-детски. Смотрит на нее, моргает рыжими ресницами, не знает, что и ответить. Да и что он может ответить? В конце концов, ему пятнадцать всего. Вот идиотка! Разве можно с мальчишкой такие разговоры вести! И как это ее вдруг понесло на подобные откровения? Ему ж еще не по силам!

Прикусив от досады губу, она резко поднялась со стула, подошла к окну, сплела вдовьим жестом руки под грудью. Надо как-то выходить из ситуации. Но как? Может, повернуться к нему с улыбкой и сказать, что пошутила?

Повернуться она не успела. Глебка ее опередил. Проговорил в спину довольно уверенно:

– Ага, щас! Разлюбил он тебя! Размечталась! Тоже, придумала себе несчастье! Ты чего, с дуба рухнула такое заявлять? Десять лет любил, а потом здрасте-нате – взял и разлюбил! Так же не бывает!

– Бывает, Глебка. Еще как бывает.

Нет, чего это она, в самом деле? Такой был повод этот дурацкий разговор прекратить! Сказала бы – ну да, конечно же, не бывает... А она – ведет разговор дальше как со взрослым. И ничего с этим сделать не может. Слова сами собой вылетают.

– Нет, не бывает!

– Понимаешь, я его раздражать начала... Я же чувствую! Он приходит под утро, от него другими духами пахнет... А я...

Спохватившись, она прижала ладони ко рту, глянула на него испуганно.

– Ой, да что я несусь, в самом деле! Ты прости меня, Глебка. Наверное, и правда нельзя тебе такие вещи рассказывать...

Она и сама не заметила, как слезы потекли по щекам. Странно, голос звучал спокойно и ровно, а слезы текли. И плечи тряслись противно, как в лихорадке. И слова по своей сути проговаривались противные, злые, жестокие. Опять сами по себе выскакивали, не удержать.

– А... а что мне с тобой делать, Глебка, если до развода дело дойдет? Что? Я же тебе не мать...

Наверное, она бы в отчаянии еще чего-нибудь выдала такое. Это, наверное, хорошо, что Глеб ее опять опередил. Хотя – чего уж хорошего... Вон как у него голос зазвенел.

– Мам, да ты чего такое говоришь?! Да ты... Ты вспомни, вспомни, мам! Я хоть и маленький был, а помню, как сам тогда тебе в руки упал... А ты? А папа еще сказал – это судьба... Ты что, забыла? И отец тебя любит, любит! Я знаю! А ты все придумываешь! Развод, главное... Ты что вообще говоришь такое? Ой, да ну тебя...

От звука упавшего на пол стула она вздрогнула, втянула голову в плечи. Оглянулась – Глебкина красная майка мелькнула в проеме кухни, исчезла. Обиделся. Наверное, плакать пошел. Ишь, как дверью в свою комнату сердито хлопнул. Чего ж она стоит? Надо бы за ним пойти, объяснить, успокоить...

Да, мысль, конечно, хорошая – «объяснить и успокоить». Очень правильная. Особенно относительно «объяснить». Хватит, объяснила уже. Назвалась десять лет назад матерью, хватило смелости, а теперь в объяснения кинулась. Прости, мол, Глебушка, мачеху, дуру глупую, меня твой отец разлюбил... Тьфу, противно как звучит. Хотя, как бы оно ни звучало, – в чем, если вдуматься, она виновата? В том, что влюбилась в Вадима без ума? Или в том, что так же без ума старалась быть примерной женой и хорошей мачехой? Что всегда была при доме, при муже, при ребенке? Со всеми подробностями была – и со свежими рубашками по утрам, и завтраками-обедами тоже свежими, а не из «Кулинарии» принесенными, и с Глебушкиными детскими болезнями, и с обязательной сказкой на ночь, а потом еще и с уроками, спортивными секциями, бассейном, английским... За все же бралась-хвталась с радостью, жила, как птичка певчая, которая больших забот не знает. А главное, уверенность была, что все она делает правильно – живет, мужа любит, ребенка воспитывает... Ни образования за душой, ни мало-мальской специальности не было, а уверенность – была. Нет, конечно, всякое за эти десять лет пришлось пережить. И неприятности тоже были. А у кого их не бывает, скажите? Муж ей не простой достался, это ж понимать надо. Она и понимала. Любила, прощала, терпела, обид не помнила. Знала – он ее тоже любит. Да, было, было... Что же, черт возьми, сейчас-то произошло? Откуда взялась эта нервозность, слез-

ливость обиженная, съедающая сердце тревога? Куда делась ее терпеливость легкомысленная? Неужели иссякла, закончилась?

Если так – то страшно... Страшно за себя, за Глебку. Вон уже до чего дело дошло – пугать начала откровениями. Ну как, как мальчишке объяснить, что трудно, что практически невозможно жить рядом с человеком, которого раздражаешь? И от которого при этом зависишь полностью? А главное – по-прежнему любишь...

Нет, ничего такого не надо ему объяснять. Нельзя. Маленький он еще. Надо просто взять себя в руки. Надо самой успокоиться, сосредоточиться на чем-то хорошем. А хорошего было много, есть что вспомнить. Например, тот самый день, когда они появились в ее жизни – Вадим и Глебка. Она, кстати, часто его вспоминает. Хороший был день...

* * *

Суета, суета. Непривычная суета большого, будто плывущего по июньской жаре города. Люди на привокзальной площади – сердитые, распаренные, прут со своими вещами напролом, того и гляди – снесут... А у нее, между прочим, тоже руки заняты – чемодан да две сумки с гостинцами. Мама сказала – неудобно будет, если она к тете Дуне без гостинцев зайвится. Можно подумать, она, тетя Дуня, ни соленых грибов сроду не едала, ни варенья крыжовенного, ни домашнего

сала. Теперь вот напрягайся, тащи на себе все это хозяйство, как героиня Татьяны Дорониной из фильма «Три тополя на Плющихе»...

Хотя – чего это она себя с какой-то деревенской теткой сравнивает? Нет уж, и близко никакого сравнения быть не может. Потому что тетка та, простите, во что была наряжена? В белый платочек, ситцевую блузку да в кургузенький пиджачок? Так, кажется? А на ней сейчас полный отпад. Модное и городское. Белая короткая юбочка с кокетливым воланом, белая кофточка строгим пиджачком, тоже коротенькая, на золотых пуговицах в два ряда. Они с мамой все модные журналы пересмотрели, прежде чем этот костюмчик скроить да сшить. И ноги у нее тоже, можно сказать, городские – длинные, подтянутые, загорелые. Все редкие солнечные деньки загорала. Лицо она от солнца оберегала, конечно, а ноги – святое дело. В сочетании с белым костюмчиком смотрятся такой красотой неопишуемой, что хоть сейчас фотографа из журнала «Бурда моден» приглашай. Хороший такой журнал – оттуда они с мамой выкройку костюмчика и взяли. Там еще платье было цветное, на бретельках, но насчет платья они сильно засомневались. Хотелось как-то посерьезнее выглядеть. Она ж не просто так в большой город из своей алтайской глухомани едет, а в институт поступать!

Правда, был в этой красоте по модным городским меркам один изъян – стрижка немного подкачала – не очень модная по нынешним временам. Да, собственно, и стрижки как та-

ковой нет, просто волосы отросли до плеч и загибаются концами кверху, как у актрисы Барбары Брыльски из новогоднего фильма. Отчего-то не захотелось ей менять этот образ, привыкла уже к нему, сроднилась. А как тут не сроднишься, когда все дружно твердят, что она полная копия этой Барбары? И лицо, и манеры, и имя, и стать...

– Девушка, вам куда? Недорого отвезу...

Вздвогнув от прозвучавшего над ухом вкрадчивого мужского голоса, Бася остановилась, улыбнулась нерешительно, глянула мужчине в лицо. Ничего вроде. На бандита не похож. Обыкновенный облезлый дядька в замасленной кепке. Глаза веселые и несчастные одновременно, недокуренная папироса торчит в желтых зубах. У них в Семидолье – каждый второй мужик такой. Что ж, ладно. Пусть будет дядька. Тем более она все равно собиралась до тети Дуни на такси ехать.

– А сколько – недорого?

– Да не бойсь, не разорю. Таксист, может, и разорит, а я – нет. Мне бы на хлебушко заработать. И детишкам на молочишко. Пошли, что ли? Вон моя машина стоит...

– Что ж, пошли...

Машина у дядьки оказалась тоже облезлая. Багажник открылся с недовольным скрипом, нехотя вобрал в себя ее вещи.

– Ну, куда ехать? Говори адрес, – деловито произнес дядька, когда она уселась рядом с ним на переднее сиденье, покрытое протертым ковриком.

– Улица Новая, дом три! У меня там тетя живет! – весело отрапортовала она, даже не взглянув в листочек с адресом. А чего в него заглядывать? Давно уж наизусть выучила. И номер квартиры у тети Дуни тоже легко запоминающийся – восемнадцать. Прямо ее возрасту соответствует. Так что грех не запомнить.

– Новая, говоришь? Хм... А где это? Я вроде все улицы в городе наперечет знаю...

– А это новостройка, наверное. Тетя туда недавно переехала, ей там квартиру дали. А раньше она в бараке жила, на Белореченской.

– Белореченскую знаю, конечно. А улицу Новую... Что, так и называется – Новая?

– Ну да...

– А район какой? Ну хотя бы ориентировочно.

– Не знаю...

– Что ж, будем искать... – произнес дядька голосом Юрия Никулина из фильма «Бриллиантовая рука» и даже лицо строил такое же смешное и озабоченное. – Раз есть такая улица, значит, найдем. Ты посиди пока, я тут у наших спрошу...

Выскочив из машины, он подошел к компании таких же водителей, занимающихся частным извозом, и заговорил с ними. Один водитель пожал плечами, другой развел руки в стороны, третий задумчиво замотал головой. Зато четвертый тоже сначала было задумался, а потом, хлопнув себя по

лбу, начал радостно махать перед дядькиным носом руками, пытаясь изобразить маршрут. Похоже, нашлась тети-Дунина улица. Вот уже и дядька обратно бежит, придерживая на ходу свою кепочку.

– Ну все, порядок. Понял я, где твоя тетя живет. Поехали! – плюхнулся он на водительское сиденье, провернул ключ зажигания, сдал немного назад и ловко выехал из тоскливого ряда таких же старых машин, выруливая на проезжую часть.

– Ну, и откуда ж ты такая приехала, девушка без адреса? – с улыбкой повернулся он к ней, остановившись на красный огонек светофора. – Кино раньше такое было, смотрела? «Девушка без адреса»?

– Почему – без адреса? Я как раз с адресом. А приехала я издалека. С Алтая.

– Ух ты... С Алтая, значит. Тетку решила поведать. А она тебя хоть ждет, тетка-то? А то знаешь как бывает...

– Ждет, конечно! Вообще-то тетка, мамина сестра, не очень гостеприимная, и мы с мамой к ней ни разу так и не съездили. Я вообще дальше нашего Семидолья никуда не выезжала... А тут вдруг она, тетя Дуня, взяла и сама написала – приезжай, мол, ко мне. В институт поступишь, поживешь у меня...

– Тетя Дуня? Хм... Хорошее имечко. Доброе. Сейчас уж так никого не называют, если только для экзотики... Сейчас все Снежаны да Анжелики рождаются. Никто не хочет свое ди-

тя в Дуньках растить. Значит, жить у нее будешь?

– Ага...

– И в институт поступать будешь?

– Конечно, буду! Мне бы только успеть... Сегодня последний день, когда документы принимают.

– Да успеешь! Сейчас к твоей тетке приедем, вещи забро-
сишь, и я тебя к институту мигом доставлю.

– Ой, а дорого?

– Да не, не бойсь... Какой навар от таких белобрысень-
ких? Дороже денег не возьму.

– А далеко нам еще ехать?

– Не очень. Вот эту улицу проедем, потом на мост повер-
нем, а там налево – твоя новостройка. Надо же, а я и не знал,
что там уже целую улицу построили... Наверное, и проезда
хорошего толком нет...

Дядька оказался прав – проезда к дому и впрямь не бы-
ло. А были сплошные рытвины да горы неубранного строи-
телями мусора. Присвистнув, он остановил машину, произ-
нес неуверенно:

– Не, девушка, туда мне не проехать... Давай так сделаем.
Ты иди, вещи забрось и возвращайся. А я тебя здесь подо-
жду. Только рассчитайся со мной для порядку. А то, знаешь,
всяко бывает...

Рассчитавшись с водителем, который, надо сказать, и
впрямь взял с нее по-божески, Бася выскочила из машины,
приняла из багажника свою поклажу и, отказавшись от по-

мощи, торопливо заковыляла на высоких каблуках к дому.

Он был совсем, совсем новенький – даже лифт еще не работал и в подъезде отчаянно пахло масляной краской. И двери квартир были одинаковые, безликие. Даже табличек с номерами на них еще не было. Четыре квартиры на площадке, значит, ей на пятый этаж подниматься придется. С чемоданом, с сумками... Дай бог, чтобы тетя Дуня еще и дома была...

Она была дома. Открыла дверь, уставилась подозрительно, не узнавая. Да и то – сколько они с ней не виделись? Лет шесть, наверное. Ну да, шесть лет назад она как раз и приезжала – на дедушкины похороны. Ей тогда двенадцать было, совсем девчонка. А вот она ее сразу узнала – нисколько тетка с тех пор не изменилась. Такая же худая, вернее, сухая, как щепка, и на вид очень строгая. Ишь как смотрит, как иглой колет.

– Здравсьте, теть Дунь! Вот я и приехала...

– Баська... Ты, что ли?

– Да я, я! Здравствуйте, говорю!

– Боже мой, и впрямь Баська... Выросла-то как! Я ведь и не узнала тебя! Ну заходи...

Вот так вот. Ни объятий, ни поцелуев. Вся она в этом – тетя Дуня. Позвать – позвала, а обнять да обрадоваться – это уж извините. Ну да ладно, придется и без нежностей обойтись.

– Уфф... Еле вас нашла, тетя Дуня! Таксист даже адреса

такого не знал, представляете?

– А как ты хотела? Это ж новостройка все-таки. До центра теперь добираться два часа надо. И транспорт сюда почти не ходит.

– Ой... А как же вы теперь?

– Да нормально, чего ж! Мне теперь, знаешь, этот транспорт вообще без надобности, я ж на пенсию неделю назад вышла... Как узнала, что мне квартиру в новостройке наконец выделили, сразу заявление подала! От радости, наверное. Шутка ли – сорок лет в очереди в горсовете выстоять... Я ж сюда сорок лет назад приехала – такая же была худенькая да беленькая, как ты... Только мне, в отличие от тебя, некуда было ехать, никто меня здесь не ждал. Ой, да ты проходи, проходи, чего мы на пороге-то! Где твои вещи? Вместе теперь будем в хоромаш осваиваться. Я ж недавно совсем переехала. И письмо вам сразу на радостях черкнула. А ты уж и тут как тут, нарисовалась... Ну, пойдем чай пить, что ли.

Повернувшись к ней спиной, тетя Дуня зашагала на кухню, оставив Басю одну. Втянув в прихожую чемодан и сумки, она с осторожным любопытством заглянула в комнату, осмотрелась. Хотя осматривать там особенно и нечего было. Мебели практически никакой, лишь узкая тети-Дунина тахта стояла у окна да не разобранные коробки выстроились вдоль стен. А окно большое, солнечное. И пол паркетный, свежим лаком блестит.

– Нравится?

Вздвогнув, Бася обернулась. Тетка стояла у нее за спиной, любовно оглядывала свое новое жилище.

– Ага. Нравится, конечно. Комната большая, светлая. Только пусто немного.

– Ничего, со временем пусто не будет. А ты пока будешь на раскладушке спать. Потом тебе диван купим. Ну пойдем, что ли? Чайник уже вскипел.

– Ой, тетя Дунь, так а я чай не буду... Мне же в институт бежать надо! Сегодня же последний день остался, чтоб документы подать...

– Как – последний день? Да что там твоя мать думает, ей-богу? Она что, не могла раньше тебя отправить? Вот всегда она такая была – всю жизнь прожила безалаберно!

– Да болела она, тетя Дунь... Так болела, что я уж и ехать не хотела...

– Ну понятно, понятно... Фроська в своем репертуаре. Знаем мы эти болезни. Трусостью да пугливостью называются. Наверное, просто отпускать тебя ко мне не хотела, вот и все болезни!

– Тетя Дунь, она правда болела... У нее давление знаете какое высокое было? Ну я побегу, ладно? Я там с таксистом договорилась, он меня подождет и сразу к институту ответит... Вечером обо всем поговорим, ладно?

– Ладно, беги... Да смотри, поосторожнее будь! С таксистом сильно не разговаривай, на заднее сиденье садись! У нас здесь не деревня, у нас город! Мало ли что... А я потом

отвечай...

– Да не, он хороший дядька! Не страшный. Ой, совсем забыла! Там, в сумках, для вас гостинцы от мамы. Ну все, я побежала!

Тетя Дуня долго еще стояла в дверях, прислушиваясь к дробному перестуку Басиных каблуков. Потом аккуратно закрыла дверь и, подхватив сумки с гостинцами, потащила их на кухню, тихо рассуждая сама с собою по укоренившейся за годы одиночества привычке:

– Нет, вы только посмотрите на нее, а? Овца трусливая! Так и прожила всю жизнь, от людей пряталась. Только и всех подвигов, что дитя родила... А толку? Продержала около себя девчонку до последнего...

Возмущенно глянув в пространство кухни, она вздохнула и покачала головой так, будто отрицая возражения неведомого собеседника.

«...Давление у нее, смотрите-ка. Это ж надо – в последний день приехать! А если бы поезд опоздал? Эх, Фроська, Фроська, никакой хватки брылинской в тебе нет, даже и к старости, смотрю, не образовалась. Не в нашу породу пошла, Фроська...»

Подойдя к кухонному окну, она близоруко сощурилась, глядя, как племянница ковыляет по усыпанному щебнем двору, потом улыбнулась сдержанно, проговорила уже совсем другим тоном:

– А девчонка-то ничего вроде, в нашу породу пошла. С

характером. Ничего, не торопись, Баська, успеешь! Институт от тебя никуда не убежит, уж я к этому все силы приложу. Сама не выучилась, так хоть тебя в люди выведу...

* * *

Вот он, Политехнический институт! Точно такой, как на картинке из справочника «Для поступающих в вузы». Огромный дворец с колоннами, с высокими ступенями гранитного крыльца, с яркими цветами в больших каменных вазонах. Красотища, аж заходить страшно. В вестибюле – гул голосов улетает под высокие своды, суeta молодых амбиций в каждом кубометре пространства, как в граненом стакане, плещется. И не понятно ничего – куда идти, где приемную комиссию искать... Времени-то совсем мало осталось. Надо вон у тех девчонок спросить. Наверное, они точно знают. Вид у них явно не растерянный. Не как у нее. Стоят, щебечут о чем-то своем, о девичьем. А может, и не о девичьем. Вон какие слова из быстрого диалога вылетают – шпоры, общага, проходной балл... Наверное, давно документы сдали, вот и щебечут без забот.

– Извините... – подойдя, тронула она за локоток одну из девушек. – Вы, случайно, не подскажете, где здесь строительный факультет?

– Строительный?

Девушка обернулась, глянула на нее недовольно, сморщи-

ла невысокий белый лобик под жидкой челкой.

– Ну да, строительный...

– Да вы что, девушка! Только проснулись, что ли? Строй-фак же совсем в другом здании!

– Ой... Как это – в другом? А далеко? – испуганно пролепетала Бася.

– Ну да. Далековато. Минут сорок отсюда на тринадцатом трамвае ехать. Вообще-то я не знаю, сколько точно ехать, я не местная. Вы спросите еще у кого-нибудь...

Отвернувшись, девушка моментально включилась в оживленное обсуждение, от которого отвлекла ее Бася. Пришлось отойти в сторонку – не стоять же, не слушать чужие разговоры. Никому здесь твои проблемы не нужны. Надо брать ноги в руки да бежать на тринадцатый трамвай. Черт, забыла спросить, до какой остановки ехать...

– Ой! Смотрите, смотрите! Вон там, на балконе!

Резкий вскрик той самой девушки, к которой она снова было сунулась с вопросом, заставил ее вздрогнуть. Прижав одну ладошку к щеке и широко раскрыв глаза, девушка тыкала пальцем куда-то вверх, продолжая истошно голосить:

– Там ребенок! Смотрите, там ребенок! Ой, мамочки, он сейчас упадет! Смотрите!

Подняв глаза, Бася обомлела. Под самыми сводами огромного холла, на широких каменных перилах проходящего по его периметру галереи-балкона стоял, неуклюже балансируя ручками, белобрысый карапуз. Маленький совсем, в клетча-

тых шортиках, в белой футболке с трафаретным ушастым личиком Чебурашки. Отчего-то глаза Чебурашки, наивные, широко распахнутые, смотрели прямо на нее в искреннем недоумении – чего, мол, стоишь, рот раззявила? Тут действовать надо, а ты стоишь... И все кругом стоят, словно в немой сцене в самом конце гоголевского «Ревизора». Кто в ужасе отвернулся, кто глаза опустил, кто рот ладошкой прикрыл.

Затаив дыхание, она на цыпочках пронеслась к тому месту под балконом, куда так безоглядно намеревался спланировать малыш вместе с милым Чебурашкой на белой футболке, задрала голову, начала неловко топтаться на месте, смешно приседая и приплясывая и одновременно успевая наблюдать одним глазом, как несутся к малышу сверху по галерее добровольные спасатели. Боже, зачем они так к нему несутся? Топочут, как табун молодых коней. Напугают же...

Додумать свою правильную мысль она не успела. Слишком уж быстро все произошло. Вернее, она сама совершенно не поняла, что произошло. Сначала оглохла от всеобщего дружного визга, который продолжался одну страшную секунду – ровно столько, сколько малыш, сорвавшись-таки с перил балкона, летел на нее. Потом их, видимо, с силой отбросило друг от друга – ее на спину, а его – на бочок. Но подхватить его на лету, наверное, она все-таки успела, потому что ладони были отбиты напрочь – смягчили удар. Хотя ладони – это сущий пустяк по сравнению с расколовшимся от боли затылком. В первый момент ей так и подумалось, что

от удара о каменную плиту пола он раскололся на две аккуратные половинки, как скорлупа грецкого ореха. И такая пустота в голове образовалась, что она даже испуга своего до конца не прочувствовала. Потом первая здравая мысль пришла на ум: надо и впрямь приподнять голову да потрогать руками затылок – цел ли. А заодно посмотреть, не сильно ли мальчишка расшибся...

Надо же, как кружится все. Ноги, все чьи-то ноги перед глазами... В джинсах, в брюках, изредка голые девчачьи колени попадаются. Танцуют они вокруг нее, что ли?

– Смотрите, у нее кровь под головой! Наверное, надо «Скорую» вызвать!

– Эй, девушка... Скажите хоть что-нибудь...

– Воды! Принесите воды! У вас голова кружится, девушка? Вас не тошнит, нет?

Это что, они все к ней обращаются, что ли? У нее – под головой кровь? Ничего себе... Слава богу, этот хоровод наконец остановился, можно слегка голову приподнять. Можно даже до малыша дотянуться, если постараться. Вот он, сидит в двух шагах. Даже не плачет, только глаза таращит. Сильно испугался, наверное.

– Малыш, ты цел? Болит что-нибудь? Покажи, где у тебя болит?

– Девушка, у вас кровь! Вы бы не вставали – вдруг у вас сотрясение? – назойливо лез в ухо голосок той самой девушки, к которой она давеча приставала с расспросами. – Мо-

жет, вам «Скорую» вызвать?

– Нет. Не надо «Скорую». А кровь... Это я затылком проехалась да кожу содрала... И локтем вот тоже. Локоть больно...

– Смотрите, а у ребенка-то – ни царапинки! – удивленно проговорил кто-то из окружающих.

– Ну правильно! – тут же подхватил другой испуганный голос. – Он же ей в руки упал, спружинил... Бедная девушка! Пришла в институт поступать, называется! Сходила за хлебушком... А чей это ребенок, кстати? Эй, граждане, чей ребенок?

– Да вон, кажется, нашелся нерадивый папаша...

Через толпу и впрямь пробирался высокий мужчина в белом стильном, слегка помятом костюме. Впрочем, это была модная помятость – такие костюмы, как у этого мужчины, Бася не раз видела в дорогих журналах. Да и сам мужчина был будто с журнальной обложки. Красивый, холеный, борода щегольская, очки модные. По крайней мере, в их сибирском городке Семидолье таких мужчин точно не водилось.

Добравшись до малыша, мужчина подхватил его под мышки, поднял, потом потряс слегка. А может, и не потряс, может, у него просто руки от испуга очень сильно дрожали.

– Глебка... Глебка, ты цел? Что случилось? Что тут произошло, черт возьми? Ты запнулся и упал, что ли?

– Ничего себе, запнулся! – раздался из толпы первый

удивленный возглас, и тут же подхватил его хор молодых голосов, слившихся в едином порыве возмущения пополам с запоздалыми нотками смешливого упрека: — Да как вам не совестно такое говорить — упал! Ой, ну вы прям сказанули, мужчина! Упал-запнулся! Да он не упал, он вон оттуда, прямо с верхотуры, свалился! Вы голову-то поднимите, посмотрите сами! Надо же, упал, главное... А эта вот девушка его, можно сказать, спасла... Да, да, она как-то раньше всех прореагировала! Все растерялись, а она... Ой, и правда, прямо героиня, а не девушка... А кто она, откуда? Прессу сюда, прессу!

Мужчина стоял, послушно поворачивая голову в сторону каждой звучащей из толпы реплики и одновременно с силой прижимая к себе мальчишку, потом недоверчиво вскинул голову вверх, на перила балкона. Осознав, наконец, что произошло, так растерянно и благодарно уставился на Басю, что ей немного даже неловко стало. Вяло махнув рукой, словно собираясь этим жестом перекрыть волну комментариев, она слегка поморщилась, улыбнулась мужчине виновато. Нет, ну чего они на него напали, в самом деле? Тоже, нашли героиню. Ищут пожарные, ищет милиция. Она же, можно сказать, сдуру бросилась под этот балкон, ни одной секунды не думая. И сама не поняла, откуда это геройство взялось. И вообще — надо бы встать на ноги, а то неудобно — чего это она расселась. И юбка так некрасиво задралась, наверняка трусы было видно. Стыдоба.

Она быстрым неловким жестом одернула юбку и уж потом осторожно подтянула под себя ногу, потом другую, слегка переместилась корпусом вперед. Тут же будто по команде вытянулось перед ней несколько услужливых рук. Какой-то парень, опередив всех, подхватил под мышки, резко поставил на ноги, и лицо перепуганного папаши оказалось совсем рядом.

– Спасибо вам, девушка... Сам не понимаю, как Глебка там, на балконе, оказался! Я, право, даже не знаю, как мне вас теперь благодарить... – растерянно пожал плечами мужчина, прижимая к груди малыша по имени Глебка. – Нет, я действительно не понимаю, как это могло произойти! Простите, конечно. А может... Наверное, вам помощь нужна? Может, я вас в больницу отвезу?

– Ой, а вы знаете, ей же на стройфак успеть надо! – неожиданно выскочила из толпы и встала рядом с ней та самая девушка, у которой она спрашивала про приемную комиссию. – Может, вы ее теперь отвезете? Ну, как бы из благодарности... А то она уже не успеет документы подать! Сегодня же последний день!

– Конечно! Конечно же, я с радостью! Я отвезу! Пойдемте, девушка. Вы идти-то можете? Пойдемте, моя машина тут недалеко стоит. И в институт, и в больницу, и куда захотите, хоть на край света...

До машины ее тоже провожала толпа – и впрямь как настоящую героиню. Кто-то сунул ей в руки сумочку с доку-

ментами, кто-то заботливо провел носовым платком по лицу. Наверное, там кровь была. Мужчина, сунув ребенка на заднее сиденье, открыл перед ней переднюю дверцу, заботливо придержал под локоток. Потом испуганно посмотрел на свою ладонь – она была в крови.

– Может, все-таки сначала в больницу, а потом в институт? – тщательно вытирая ладонь носовым платком, спросил он ее.

– Нет, нет... Не надо в больницу. Вообще не надо. Со мной все в порядке, честное слово. Подумаешь, локоть разбила. Давайте лучше на стройфак поедем, сегодня последний день...

– Да успеем, не волнуйтесь.

– Э, мужчина, вы... это! Одним «успеем» не отделаесть! И «спасибом» тоже! Подвиг-то заценить надо! – весело крикнул кто-то из толпы, и Бася сердито махнула рукой в сторону шутника.

– Ладно, разберемся! – сердито проговорил мужчина, плюхаясь рядом с ней на водительское сиденье. – Как будто я не понимаю, что надо, а чего не надо...

– Вы не обращайтесь внимания, пожалуйста... – тихо проговорила Бася. – Мне и правда ничего не надо, вы не подумайте...

Мужчина ничего не ответил. Повернув ключ зажигания, рванул с места, лихо вырулил на проезжую часть. Пристроившись в нужный ряд, искоса глянул на Басю.

– Надо бы вам руку перевязать...

– Ничего-ничего, я вам сиденье не испачкаю! Сейчас, у меня где-то носовой платок был...

– Да не боюсь я за сиденье, еще чего! – с досадой произнес он, глядя, как она торопливо роется в недрах своей сумочки. – Странная вы какая, честное слово. Я теперь, можно сказать, ваш вечный должник, а вы за машину мою переживаете. Что вы, ей-богу...

– Тетя, тебе очень больно, да? – вдруг пропищал с заднего сиденья малыш и всхлипнул виновато и запоздало.

– Нет, что ты, совсем не больно! – Бася повернулась к нему и ободряюще улыбнулась. – А ты как? Очень испугался, да?

– Нет. Совсем не испугался! Я, честное слово, падать на тебя не хотел, тетя. Я нечаянно. Я больше не буду.

– Да уж... Больше не надо, пожалуйста.

– Теть... А как тебя зовут?

– Меня? Меня Басей зовут... А тебя, я слышала, Глебом, да?

– Как? Как вас зовут? – удивленно повернул к ней голову мужчина.

– Бася... А что?

– Бася – это Барбара, что ли?

– Ну да...

– Хм... Интересное у вас имя. Вы что, полячка?

– Нет. Я не полячка, я обыкновенная. Я с Алтая приехала

в институт поступать.

– А фамилия ваша, надеюсь, не Брыльска?

– Нет. То есть почти... То есть фамилия тоже похожа. Брылина я. Барбара Брылина.

– Ну вы даете, Барбара Брылина! Это что ж тогда получается? Это же покушение на славу польской актрисы, ни больше, ни меньше!

– Да нет, я не на славу... Это просто мама меня так назвала. Случайно. Когда я родилась, еще и фильм этот по телевизору не показывали...

– Да? Надо же... А кстати, вы совершенно зря оправдываетесь. Вы чем-то на эту актрису похожи. Отдаленно, но похожи. А меня зовут Вадим. А это, стало быть, Глебка, сын мой, вами спасенный. Еще раз спасибо вам, дорогая Барбара! Вы просто героическая девушка! Я думаю, что ваша тезка наверняка на такой подвиг бы не решилась.

– Ой, да ну что вы... Я и сама не поняла, как это у меня так вышло. Будто в спину толкнуло... И давайте больше не будем об этом, ладно? А то мне неловко.

Отвернувшись к окну, она зажмурилась от прилетевшего в лицо жаркого ветра, непривычного, насквозь пропитанного запахами большого города. И сам город плыл за окном – слишком большой, слишком шумный, слишком суетливый. Много машин, много людей, красные трамваи звенят жалобно, ядовитая зелень газонов лезет в глаза. Деревья стоят мертвыми декорациями. У них в Семидолье идешь и

слышишь, как листья шумят, друг с другом разговаривают. А здесь такой шум, и жара, и тополиный пух летает.

– Бася, а почему именно стройфак? У вас там что, знакомые есть? – вытащил ее из грустных мыслей вопрос Вадима.

– Н-нет... Нет, конечно. Откуда у меня там знакомые возьмутся? Я вообще в этом городе никого, кроме тетки, пока не знаю. А, да, еще таксиста одного знаю! Вернее, он не таксист, он просто подрабатывает. Хороший такой дядька и взял недорого. Он тоже мне насчет стройфака совет дал. И с мамой мы так решили. А что? Очень хорошая профессия, востребованная...

– Ну да. В том-то и дело, что востребованная. Это вы правильно сказали. Конкурс там – ого-го какой. Шесть человек на место. Да он и всегда таким был... Я ведь и сам стройфак в нашем Политехническом окончил. Давно уже. Пятнадцать лет назад. Потом аспирантуру, потом преподавал там... Недолго, правда. Сейчас вот свое дело хочу организовать.

– Кооператив, что ли?

– Ну да, вроде этого...

– Ой, а у нас в Семидолье тоже сейчас кооперативы есть! И коммерческие магазины появились. Их «комками» еще называют. Скажите, а учиться на стройфаке трудно?

– Учиться? Ишь, быстрая вы какая! Чтоб трудно учиться, надо поступить для начала. У тебя как вообще с математикой? Кстати, ничего, что я на «ты»?

– Да нормально. И с математикой у меня нормально. Твердая четверка в аттестате.

– Четверка – это плохо. Это мало. А с черчением как?

– А с черчением у меня вообще никак, потому что в школе его практически не было. У нас же городок маленький... Не городок, а поселок скорее. В восьмом классе была у нас учительница черчения, по распределению прислали, а потом уехала. Не понравилось ей у нас.

– Ага. Понятно. И ты, значит, рванула из своего городка-поселка сразу сюда, в наш Политехнический, на стройфак поступать...

– Да, а что? Я же не просто так, как левая нога захотела! И не рванула, как вы говорите, а сознательно сюда приехала! У меня же тут тетка живет, мамина сестра. Она позвала, я и приехала.

– Тетка? Что ж. Тетка, это хорошо. Значит, если не поступишь, у тетки останешься?

– Ой, а я не знаю... Я как-то об этом не думала. Вообще, если честно, я очень, очень поступить хочу...

– Что ж, понятно. Вот мы и приехали, Бася. Давай-ка я провожу тебя, а то ты растеряешься в здешних катакомбах. Насколько я знаю, приемная комиссия на втором этаже должна быть.

– Ой, что вы, не надо, я сама! Спасибо, что подвезли! Я сама...

– Нет-нет, я провожу! Мы с Глебкой тебя просто так те-

перь не отпустим. Документы сдадим, потом посидим где-нибудь.

– Где... посидим? – растерянно уставилась она на него.

Вместо ответа Вадим развернулся всем корпусом, слегка потряхнул сына за плечико, подмигнул ему весело.

– Да, Глебка? Правильно я предлагаю? Угостим тетю чем-нибудь вкусненьким?

– Ага! Давай мороженым угостим! В том самом кафе, помнишь? Где клоуны? – радостно подпрыгнул на сиденье мальчишка.

– Нет-нет, что вы! – отчаянно закрутила головой Бася. – Не надо, мне ничего не надо! Я никуда не пойду! Спасибо, что подвезли, я пойду...

– Теть, там очень вкусное мороженое, честное слово! Тебе понравится! Пойдем с нами, тетя! Ну, пожалуйста... Там клоуны такие смешные...

Сложив брови домиком, он протянул руку, цепко ухватился за рукав ее белого пиджачка. Обернувшись к нему, она протянула жалобно:

– Малыш, извини, я и правда не могу...

– Ну почему, теть?

– Маленький, да ты посмотри на меня! Куда я в таком виде? Волосы в крови, и блузка вся кровью запачкана! От меня же все клоуны сразу разбегутся!

– Знаешь, Бася, я тоже, как и Глебка, не вижу никакой проблемы. Заедем домой, отмоем! – как-то очень легко, по-

что небрежно произнес Вадим, и она уставилась на него настороженно.

– Не поняла... К кому домой мы заедем?

– Да к нам домой. А что такое? Тебя что-то смущает?

– Но как же... Я не знаю... Неудобно как-то... А что ваша жена скажет?

– Тетя, да нету у нас никакой жены! – так же легко, как отец, махнул ладошкой Глебка. – Мы с папой одни живем. У нас мама умерла. Давно уже. Поедьте с нами, тетя... Ну, пожалуйста...

Бася непроизвольно прикрыла рот ладошкой, испуганно глянула на Вадима. Тот улыбнулся, коротко и печально пожал плечами. Потом протянул руку к сыну, тихо встряхнул его за плечико.

– Тетя поедет с нами, Глебка. Обязательно поедет. Не волнуйся. Правда, тетя? – снова поднял он глаза на Басю.

– Ну хорошо... То есть да, конечно... Я поеду...

– И правильно. Не надо ребенка травмировать. Видишь, ты ему понравилась. А это, между прочим, для Глебки большой прогресс, чтобы ему какая-то тетя вдруг взяла да понравилась. У нас с тетями как-то не получается, большие проблемы у нас с тетями... Правда, сын?

– Да ну их, пап! Они все приставучие какие-то, сразу целоваться лезут! И разговаривают со мной, будто я им игрушка, а не живой мальчик.

– Да уж... – снова вздохнул коротко Вадим и усмехнулся

грустно. – Вот так у нас обстоят дела, Бася. Не хотим быть игрушками, хотим быть живыми мальчиками. Устами ребенка истина глаголет, и никуда от нее не денешься. Так что ты уж потерпи немного. Ну, идем сдавать твои документы! А то и в самом деле опоздаем...

* * *

...Первые крупные капли дождя резко забарабанили в оконное стекло, и она вздрогнула, вынырнув из того дня, растерянно оглядевшись кругом. Да, действительно тот день был странным. Сколько его ни вспоминай, всегда новым кажется. И детали вспоминаются новые, неожиданные. И акценты расставляются тоже новые. Получается, действительно тогда ее Глебка сам выбрал из множества претендующих на его отца «тетя». Сам в руки упал...

Поежившись, она отошла от окна, села за стол, откинула голову на спинку стула. И глаза сами собой закрылись, и голова слегка закружилась. Наверное, это воспоминания затягивают ее в свой омут. Странный омут, как киноплёнка. Бежит перед глазами короткими кадрами.

Вот они сидят втроем в кафе, в том самом, с клоунами. Такая смешная парочка, клоун и клоунесса. Студенты театрального института подрабатывают. Глебка хохочет звонко, все щеки мороженым перемазаны. А вот они вдвоем с Глебкой на карусели – мчатся, обнявшись, ветер волосы треплет.

А внизу Вадим – нацелился объективом фотоаппарата.

А это уже другая картинка. Уже без Глебки. Темный зал кафе, цветы, шампанское. Интимная обстановка. Едва колеблется огонек свечи, за ним – лицо Вадима. Задумчивое, серьезное.

А вот она одна стоит – впилась глазами в список принятых в институт абитуриентов. Дрожит, ищет свою фамилию. Ищет, но так и не находит. Опустив горестно плечи, спускается по мраморной лестнице к выходу. Внизу – Вадим. Бросается к ней с объятиями, прижимает к себе, шепчет на ухо что-то успокаивающее. Она поднимает на него глаза – лицо у Вадима вовсе не огорченное. Наоборот, насмешливое и ласковое. И очень доброе. Наверное, именно с таким лицом делают предложение руки и сердца? Наверное, в такой момент все другие огорчения сами собой отходят на задний план, и вот она уже быстро кивает головой – да, да, да, конечно же, я согласна, любимый...

А потом... Потом был тяжкий разговор с тетей Дуней. Она сидит на диване с виноватым видом, поджав под себя ноги, а тетя Дуня широко шагает по комнате, изредка поворачивая к ней яростное лицо. Вернее, не к ней, а к огромному букету роз, брошенному на диванную подушку.

– Нет, я даже слышать об этом не хочу! Дура ты, Баська, дура! Какой такой замуж? Совсем с ума сошла? Ты что, молодого парня себе не найдешь, что ли? Девке восемнадцать лет – она замуж за вдовца собралась! Эко лихо! У нас только

после войны девки за вдовцов замуж шли, а ты...

– Да при чем тут война, тетя Дунь...

– Да при том! Ты посмотри, кто ты, и кто он!

– А кто он?

– Да чистый бабник, вот кто! Рожа холеная, как у кота, и духами от него несет, словно от бабы разгульной! Городской прощелыга, вот он кто! Пижон! А ты, почитай, простушка деревенская... Ты посмотри, посмотри на себя в зеркало! Будешь при нем служанкой да нянькой, будешь всю работу по дому воротить! Нет, нету на то моего согласия, и не надейся даже! Вот если бы он помог тебе в институт поступить, я бы еще это поняла, а так... Нет, и все тут!

– Тетя Дунь, да я уже согласие ему дала, что вы!

– Ой, да ладно! Ишь, быстрая какая! Как дала, так и обратно возьмешь. Эх, не я твоя мать, Баська! Я бы тебя живенько за волосы оттаскала, да так, чтобы и мыслей в голове не было со старым мужиком свою жизнь связывать! Согласие она дала! Знаю я, чего ты ему дала, бессовестная!

– Да я... Да как вы можете такое говорить...

Почувствовав, как заливаются краской обиды щеки, Бася замолчала, сидела, уткнувшись взглядом в цветы. Казалось, они тоже испытывают невыносимый стыд, и тоже, как она, возразить толком не могут. Проклюнулась вдруг спасительная мысль – как хорошо, что тетя Дуня и впрямь не ее мать... Наверное, на небе, или где там еще, знают наверняка, кому можно детей заводить, а кому – вообще противопоказано.

Бодливой корове, говорят, бог рогов не дает. И хорошо, что не дает. И правильно.

– Ну, чего молчишь, губы расквасила? Что, скажешь, не спала ты с ним? Вместо того чтобы об экзаменах думать, взяла и в койку к мужику прыгнула! Бессовестная! И не отворачивай рожу-то, не отворачивай! Я тебе, чай, не чужая, чтобы рожу от меня воротить!

– Тетя Дуня, не надо так... – еще ниже опустив голову, тихо прошептала она, с трудом сдерживая слезы. – Он же по-честному, он свататься пришел, с цветами... Он же замуж зовет...

– Эка честь, что с цветами! А ты и рот раскрыла! Чего ты, цветов не видала, что ли?

– Да как вы не понимаете, я ж люблю его! И он меня любит! И Глебушке тоже мать нужна...

– Ага. Это ты правильно сказала – его ребенку мать нужна. Вот и нашел тебя, дурочку. Умная-то баба сто раз наперед подумает, прежде чем ответственность за чужое дитя взять. Ты думаешь, это так просто – чужого ребенка вырастить? Думаешь, он спасибо тебе скажет?

– А зачем? Я же от души, от чистого сердца...

Резко остановившись посреди комнаты, тетка взглянула на нее с яростной грустью, потом вздохнула, покачав головой:

– Эх ты, девица наивная, ромашка ты моя полевая... Да ты того и не понимаешь, что такие пижоны, как он, чистой

душой только и пользуются! Обдерет он с тебя все лепесточки, да и выбросит потом за ненадобностью. Он, поди, и в институте всех экзаменаторов подговорил, чтобы тебя не приняли! Дураку понятно – ему свое дитя в любви да в заботе вырастить хочется. Чтоб оно за мачехой как за родной мамой росло...

– Ну и что в этом плохого? – робко возразила Бася, подняв на тетку глаза. – Ребенку действительно любовь нужна... А в институт я потом поступлю, обязательно поступлю!

– Да где уж... – раздраженно махнула рукой тетя Дуня, продолжив ходить по комнате. – Ему теперь и не надо, чтоб ты шибко ученая была. Зачем ему грамотная служанка да нянька сдалась? Одумайся, Баська, пока не поздно! Одумайся!

– Нет, тетя Дуня. Я уже решила. Я люблю Вадима и Глебку тоже люблю. Тем более он уже успел ко мне привязаться. Он меня вчера мамой назвал... Ну как я могу одуматься? Нет, не могу...

– Ишь ты, мамой! Уж больно быстро!

– Так получилось, тетя Дунь. Извините. Ладно, пойду я. Меня там, в машине, Вадим ждет. Зря вы его выгнали, тетя Дунь. Он как лучше хотел, свататься пришел, а вы его выгнали...

– А не надо мне его сватовства! Пусть он тебя перед Фроськой высватывает, а мне такой чести не надо!

– Все равно нехорошо получилось, тетя Дунь... Не по-

людски как-то. Ладно, пойду я?..

– Ну иди, иди, мачеха! Иди, поешь лиха. Думаешь, сладкий это хлеб – в мачехах-то ходить... Расстелешься добротой, а пасынок спасибо не скажет. А ты добрая душа, ты точно расстелешься...

Молча поднявшись с дивана, Бася потянула к себе букет, медленно прошла мимо тетки, неся цветы головками вниз. В дверях обернулась и, будто сглотнув обиду, произнесла сдавленно:

– Да, вы правы! И расстелюсь! И пусть не скажет! Он же не виноват, что у него мать умерла! Он же маленький еще... Вы его не видели, а говорите...

– Да больно надо мне его видеть! Мне же тебя, дурочку, жалко!

– Ой, ну чего вы меня мучаете, тетя Дуня? Зачем вы так? Ребенок мне поверил, мамой назвал... Может, я и глупая, как вы говорите, но нельзя же по-другому... Люблю я их, понимаете? Люблю! И Вадима люблю, и Глебку люблю...

– Ладно, иди уж, чистота святая. Потом плакать начнешь, да поздно будет. Еще не раз меня вспомнишь.

– Ага, я пойду. Там Вадим ждет. До свидания.

В прихожей она неуклюже заторопилась, пытаясь одновременно сунуть ноги в туфли и открутить рычажок замка. Потом огляделась в поисках сумочки.

– Ишь, как заторопилась... – вышла проводить ее тетя Дуня, встала в проеме комнаты обиженным изваянием. – Ладно,

но, иди, иди... Да не обижайся на меня, я ведь от добра только. Не забывай, заходи иногда. И дай бог тебе терпения великого, раз чужому ребенку матерью назвалась. Сама-то еще дитя дитем, господи... А теперь что делать – терпи. Терпи, Баська, терпи. Терпи...

...Она вдруг резко открыла глаза – показалось, тети-Дунин голос прозвучал в самое ухо – терпи! Лихорадочно оглянулась, будто она и впрямь могла стоять у нее за спиной, покачала головой. Да и то, хватит уже. Прожила еще раз то время, и хватит. Иначе всякие сомнения в душу полезут, потом от них не отделаешься. Например, что тетя Дуня тогда не так уж и не права была...

Глубоко вздохнув, она выпрямилась на стуле, сильно потерла заплаканное лицо ладонями. Надо к Глебке идти. Ободрять и успокаивать. Вадим прав: ни к чему сейчас мальчишке всякие переживания. Потому что период у него пубертатный. Тьфу, какое словечко противное...

Постучав в дверь, она тут же приоткрыла ее, просунула в щель голову. И зачем стучала, интересно? Можно было и без того догадаться, что Глебка ее вежливости не оценит. Он этого стука не слышит просто. Сидит на диване, глаза грустные, из наушников музыка в голову плещется. Вон как ритмично головой покачивает, как китайский болванчик.

Плюхнувшись рядом с ним на диван, она оттянула пипочку его наушника, прокричала весело в ухо:

– Эй, на корабле! Прошу внимания, ваша мама пришла!

Без молока, правда, но с хорошим настроением! Здравствуй-те!

Мотнув головой, Глебка сдернул наушники, отвернулся обиженно. Протянув руку, она взъерошила ему волосы, проговорила тихо:

– Да ладно, чего ты... Перестань. Подумаешь, мать немного расквасилась! Привыкай, с женщинами это иногда случается. Ничего, Глебка, переживем! И не такое переживали.

– Ладно, ма, давай и впрямь забьем на это дело...

– Ага. Давай забьем.

– Ну... Я ж говорю, отец побеждает немного и успокоится, делов-то. Просто у него природа такая. Сильная и мужская, она ему покоя не дает. Мам, а вот скажи... А у меня она есть? Ну, эта природа отцовская?

– А то! Есть, конечно! Еще спрашиваешь! Да твоя природа сто очков вперед любой природе даст!

– Что, правда?

– Да зуб даю!

– Да? А почему тогда в меня это... ну... никто не влюбляется?

– Да погоди, Глебка, еще ж не вечер! Да и вообще... зачем она тебе, эта треклятая природа? Ты у нас однажды влюбишься в хорошую девушку и проживешь с ней долгую и счастливую жизнь. И нарожаешь нам с отцом кучу внуков...

– Ладно. Нарожаю. Как скажешь. Мам, а почему вы с отцом мне братика или сестренку не сообразили? А что? Было

бы прикольно вообще-то...

Так. Хороший удар под дых, ничего не скажешь. Тем более не скажешь, что Глебка тут и не виноват. Чего с него возьмешь? Он дитя и всего лишь горькую истину глаголет устами. А отвечать что-то все равно надо, не молчать же.

– Знаешь, Глебка, ты сейчас очень сложный вопрос мне задал... Очень сложный. Ты пока мал еще, конечно, чтоб о таких вещах с тобой говорить... Одно могу сказать тебе совершенно определенно – ни братика, ни сестренки у тебя уже точно не будет. Никогда.

– Понятно. Это что, отец не захотел, да?

– Нет. Нет! Он... он не знает... В общем, я была у врачей, и... Это я так устроена. Так бывает, Глебка.

– И что, никаких шансов?

– Да. Никаких. Так что отец тут совершенно ни при чем. Это только моя беда. Природа так распорядилась, понимаешь? А что делать? Да я уж и смирилась... Тем более ты у меня есть! Мне и достаточно!

– Мам, а ты отца очень любишь?

– Очень, Глебка. В том-то и дело, что люблю.

– Ну, так и замечательно, мам! У нас в классе один пацан есть, так он знаешь как говорит? Любовь – это как большой бизнес. И нервов много забирает, и бросить его не можешь. Как завязался, так уже и не выскочишь. В общем, за все надо платить. Так что будем считать твои слезы маленькой такой платой...

– Да дурак твой пацан, Глебка! – сердито перебила его Бася. – Любовь – это не нервы и не бизнес, это, наверное, прежде всего терпение. И умение прощать. И понимать. Бесконечно прощать, бесконечно понимать. А иначе – никак.

– Так а я о чем? И я о том же. Вот ты и терпи. Если есть за что.

– А я и терплю, Глебка. Я все перетерплю. Честное слово. Победа будет за нами. В семье всякое бывает... А перемелется, мука будет, как тетя Дуня говорит. Ой, надо ее навестить, кстати! Я ж как раз сегодня обещала... Хочешь, со мной пойдем?

– Не... У меня ж английский. Да и вообще... В понедельник уже каникулы заканчиваются, мы сегодня с пацанами хотели в парк пойти, отметить. Там девчонки ждать будут.

– Ну, если девчонки... Что ж, святое дело... А относительно отметить – это как? Надеюсь, не как в прошлый раз?

– Да нет... И хватит ту дурацкую историю вспоминать! Договорились же, что это было в порядке эксперимента! Будем считать, что опыт курения и пивной опыт я с честью прошел и выводы сделал. Не мое. Отдельная благодарность тебе, что отцу не рассказала. Но и напоминать каждый раз не надо.

– Ладно. Извини. А все-таки – куда вы пойдете?

– Так, пройдемся немного с девчонками, листья попинаем. Да ты не напрягайся, они нормальные, в общем, девчонки...

– Ну-ну. Только зонтик не забудь взять. Сегодня, я слы-

шала, дожди обещали. А я пойду все-таки тетю Дуню наве-
щу...

* * *

Опять дождь. Мелкий, противный. Даже и на дождь не похож, на мокрый туман скорее. Идешь, будто плывешь в сером влажном облаке. И на душе тоже – серость маетная, тревожная. Хотя, казалось бы, чего ей, душе, так маяться, вроде не впервой обиду в себе носит. Пора привыкнуть к подлым странностям замужней жизни. А что? Глубка, похоже, прав. Если любишь – терпи. Вадима все равно не изменишь. Природа у него такая – сам приключений не ищет, но и мимо явно зазывающей женственности пройти не может. Ловелас поневоле, если можно так выразиться. Хотя ей от этого несколько не легче, конечно. Потому что терпение – оно ж не резиновое. Если его растягивать до бесконечности, внутри образуется пустота, а любовь изнашивается, как ткань, обращается в рваное рубище. Тело вроде прикрыто, а красоты – никакой.

Вздыхнув, Бася подняла глаза вверх, на серое тяжелое небо. Хоть бы лучик какой выглянул, прогнал дождевую хмарь. Или бы, например, снег пошел. Тоже хорошо. Самое противное это время – межсезонье. Кругом одно межсезонье – и в природе, и в собственной жизни. Надо из него в очередной раз выруливать, а сил нет. Надоело. Устала. Хотя –

если Глебке обещала, то надо выруливать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.